

***Понятие времени и его значение для модели сущности человека.
Сравнительный анализ концепций Иммануила Канта и Мориса Мерло-Понти.***

Экспликация понятия сущности человека в настоящее время является одной из самых актуальных философских проблем. Без преувеличения можно сказать, что таковой она оставалась всегда, и в будущем она также не потеряет своей актуальности. Философы разных эпох и культур занимались конструированием моделей человеческой сущности, предлагая различные методы её построения. К числу наиболее фундаментальных и репрезентативных антропологических концепций, созданных в европейской философии за последние 250 лет, относится автономно-рационалистическая концепция И. Канта. Другую наиболее влиятельную и заметную модель сущности человека, возникшую в прошлом столетии, можно обобщенно назвать экзистенциально-феноменологической, в числе прочих её разрабатывал М. Мерло-Понти. Данный доклад посвящен сравнительному анализу одного из аспектов этих моделей, а именно сравнению принадлежащих Канту и Мерло-Понти интерпретаций феномена временности как одного из проявлений сущности человека.

Основанием для выбора именно этих двух концепций является, как уже было сказано, их общность в вопросе понимания времени. И кантовская, и экзистенциально-феноменологическая модели мыслят время как непосредственно связанное с субъективностью, т.е. с человеческим сознанием. Одним из основных моментов в построении модели человеческой сущности мыслили анализ *феномена времени*. Помимо этого существует еще и другой общий признак этих концепций. Он заключается в том, что проблема человеческой сущности осмысливается обоими философами исключительно на основе опыта самовосприятия, т.е. на основе «внутреннего чувства» (термин принадлежит Канту). Оба философа выстраивают «субъективистские» модели человека. В данных моделях человек не есть *тот, кого видят*, а, напротив, есть *тот, кто видит*, не *тот, о ком мыслят*, а *тот, кто мыслит* и т.д. Т.е. Кант и Мерло-Понти преследуют сложнейшую гносеологическую задачу: они анализируют сущность человека, пытаясь при этом избежать интеллектуального раздвоения на познающего и объект познания, в своем мышлении они отталкиваются от непосредственного опыта самовосприятия и самосознания.

Несмотря на общие методологические установки, модели человеческой сущности, принадлежащие И. Канту и М. Мерло-Понти, принципиально различны хотя бы уже в силу того, что их разделяет двухсотлетний временной промежуток. Сравнение этих двух моделей представляет научный интерес, поскольку оно позволит выделить и осмыслить

А

принципы понимания человека, характерные для философии эпохи Просвещения и для философии XX века. Посредством такого сравнения возможно обнаружить константные и мобильные элементы модели человеческой сущности и воспринять опыт её построения.

Цель статьи - сравнительный анализ результатов познания сущности человека, достигнутых Кантом и Мерло-Понти в процессе исследования феномена времени.

Кант о времени как субъективности.

Время понимается кенигсбергским философом как субъективное условие, необходимое для созерцания человеком мира и самого себя. Как известно, время по Канту – это априорная форма чувственности, или, иначе, - это «способ располагать в душе представления».

Таким образом, первое, с чем сталкивается Кант на пути изучения сознания, – это феномен времени. Внутреннее содержание человека определяется им следующим образом: «Не говоря уже о том, что представления *внешних чувств* составляют основной материал, которым мы снабжаем нашу душу, само время, в которое мы полагаем эти представления и которое даже предшествует осознанию их в опыте, находясь в основе их как формальное условие того способа, каким мы полагаем их в душе, содержит уже отношения последовательности, одновременности и того, что существует одновременно с последовательным бытием (того, что постоянно)»¹. Иными словами, содержание человеческой души – это представления, полученные от контакта с окружающим миром, и тот способ, с помощью которого представления располагаются в душе. Время является именно этим способом или формой созерцания (которое по Канту может быть только чувственным).

Время в концепции Канта предстает как универсальная, первичная по отношению к пространству, форма систематизации чувственного опыта и одновременно само условие возможности этого опыта. В пространстве мы созерцаем только внешний мир, во времени же мы созерцаем все, включая себя. Нужно сказать, что в таком понимании времени Кант был далеко не одинок среди своих современников. Философы школы английского эмпиризма, Беркли и Юм, разделяли идею Дж. Локка о происхождении представлений о времени. Согласно Локку, идея времени возникает из идеи последовательности, а последовательность мы наблюдаем в себе, во внутреннем чувственном опыте. «*Рефлексия* о появлении в нашем уме друг за другом различных идей и доставляет нам *идею последовательности*; а расстояние между какими бы то ни было частями этой последовательности, или между появлением каких бы то ни было двух идей в нашем уме, есть то, что мы называем *продолжительностью*. В самом деле, пока мы мыслим или воспринимаем последовательно различные

¹ Кант. Критика чистого разума, § 8; с.66.

идеи в уме своем, мы знаем, что мы существуем, и, таким образом, существование или продолжение нашего существования или чего-то другого соответственно с последовательностью каких бы то ни было идей в нашем уме мы называем или продолжительностью нас самих, или продолжительностью того другого, что существует одновременно с нашим мышлением»². В этой цитате содержится своего рода вариация на декартовское «*cogito ergo sum*». «Пока я ощущаю смену идей в своем уме, а, стало быть, ощущаю некую последовательность внутри себя, я знаю, что я существую». Стало быть, для времени как такового нет никаких предпосылок во внешнем мире. Это положение даже не требовало развернутых доказательств в свете того, что Беркли не признавал существование материи, а Юм и вообще отрицал реальность каких бы то ни было субстанций – то есть выходило, что нет никакого «внешнего мира», есть лишь мир внутренний. Противовесом такому пониманию времени в XVIII веке была авторитетная установка Декарта и Спинозы, основанная на христианской картине мира, а так же ньютоновская концепция абсолютного времени. Согласно последней, *длительность* является атрибутом субстанции (если в качестве субстанции понимается Бог, то длительность в таком случае есть только его модус). Длительность существует объективно, она бытийствует в самих вещах. Время же есть не что иное, как способ мыслить и измерять эту длительность. Время – это не бытие, а отношение объективной длительности к измеряющему её с помощью приборов субъекту.

Общеизвестно, насколько упорно Кант сопротивлялся причислению себя к берклианцам, но, тем не менее, правомерно будет указать на преемственность между английскими философами и Кантом в вопросе понимания времени, тем более, что все они были старше Канта, и их труды наверняка знал кенигсбергский философ. У Дэвида Юма мы находим идею, прямо отсылающую к идеям Канта: ни пространство, ни время «не обладают реальностью, не зависящей от субъективного представления, а потому они суть лишь *отношения порядка*, в соответствии с которым в нашем сознании располагаются представления»³. Очевидно сходство с кантовским пониманием времени, который тоже трактовал последнее прежде всего как функцию, упорядочивающую чувственные созерцания.

Но время для Канта – это нечто большее, чем функция, необходимая для восприятия мира. Роль времени глобальна: оно делает возможным *связь априорных категорий и данных чувственного опыта*, оно является посредником между ними. Все наши априорные категории могут актуализироваться и применяться к опыту только благодаря наличию в нашем сознании времени.

² Локк Дж. Сочинения в трех томах. Том 1, с.232.

³ Гайденок П.П. Проблема времени в новоевропейской философии (XVII-XVIII вв.). // Историко-философский ежегодник-2000, с.195.

Любая самая большая абстракция базируется на представлениях о времени. Так, к примеру, Кант объясняет, что для нас есть категория *реальности*: «Реальность в чистом рассудочном понятии есть то, что соответствует ощущению вообще, следовательно, то, понятие чего само по себе указывает на бытие (во времени). Отрицание есть то, понятие чего представляет небытие (во времени). Следовательно, противоположность бытия и небытия состоит в различии между одним и тем же временем, в одном случае наполненным, в другом случае пустым»⁴. Выходит, что *сама категория реальности невозможна была бы для нашего сознания, если бы в нем не наличествовало время.*

Итак, время по Канту конституирует не только наш эмпирический опыт, но и наше мышление, наши представления, наши идеи, коль скоро они базируются на синтезе опыта и априорных категорий. То есть время является скрытым фундаментом для всякого содержания сознания, в которое хоть сколько-нибудь примешан чувственный опыт. Из этого следует, что единственная территория, на которой время не действенно, - это мир чистых интеллектуальных сущностей, ноумен, а так же все «незаконные», не подтвержденные опытом идеи чистого разума. Время есть спонтанная (но не врожденная!) упорядочивающая реакция сознания на чувственный мир. Видимо, упорядочивать наш опыт ноуменального мира не нужно, так как у нас попросту нет этого опыта. Следует ли из этого, что нет и самого ноумена? Очевидно, что категория реальности к нему уже не приложима, поскольку в ноумене не актуальны временные представления. Здесь мы можем еще раз указать на особенность кантовской онтологии - *ноумена действительно нет как некоей реальности*, во всяком случае, его существование недоказуемо.

Итак, мы обозначили основные моменты, необходимые для понимания кантовской трактовки времени. Как объективное явление время не существует, оно целиком субъективно и априорно (то есть не свойственно чувственному миру). Но оно так же не присуще и ноуменальному миру, что косвенно вытекает из следующей фразы: «если мы возьмем предметы так, как они могут существовать сами по себе, то время есть ничто»⁵. Более того, как позитивная данность, как часть человеческого сознания время тоже не существует. Что же оно такое? Мы вынуждены констатировать, что время по Канту лишь форма, способ, функция сознания, а не то глобальное содержание человеческой личности, которое бы делало человека человеком. «То, что может существовать как представление раньше всякого акта мышления, есть созерцание, и если оно *не содержит ничего, кроме отношений* (курсив мой, М.А.), то оно есть форма созерцания»⁶. Время само по себе чуждо каких-либо содержаний, оно есть идея некоего универсального отношения любых возможных содержаний. Таким

⁴ Кант. Критика чистого разума. Книга 2, глава I, с.118.

⁵ Там же, с.58.

⁶ Там же, с. 66.

образом, время в чем-то сродни устройству глаза или ушной раковины - оно есть лишь механизм для восприятия и упорядочивания, а мы ведь не можем сказать, что сложное устройство наших глаз есть сущностный человеческий признак. Впрочем, для Канта и самого сознания, т.е. «Я», не существует как такового. То, что мы называем «Я», - это опять же только функция мышления, механизм работы сознания. Само единство самосознания мы обычно принимаем за «Я».

Итак, кантовский субъект – это существо, обладающее способностью выстраивать временные отношения. Внутреннее созерцание самого себя прежде всего является опытом времени. Как же пребывает время внутри человека? Оно есть способ располагать нечто в душе, но и «способ, которым душа воздействует на себя своей собственной деятельностью, а именно полаганием своих представлений». Характерно, что именно из этой временности человеческого «внутреннего чувства» Кант выводит следующую теорему: *«Простое, но эмпирически определенное сознание моего собственного существования служит доказательством существования предметов в пространстве вне меня»*⁷. То есть мы можем утверждать реальность окружающих вещей лишь настолько, насколько можем утверждать свою реальность. Сначала мы убеждаемся в том, что действительно существуем, а уже потом, исходя из этого, убеждаемся в реальности окружающего мира. Не случайно Мамардашвили в «Кантианских вариациях» замечает: «...Внутреннее биение мысли Канта – это проблема: не призрак ли я в этом мире. Или, иначе говоря, проблема реальности. Очень странная вещь. На основании моего опыта жизни и чтения у меня сложилось твердое убеждение, что у так называемых идеалистов было какое-то рвение, какая-то плодотворная страсть доказывать реальность мира, реальность вещей вне нас»⁸. Положение о действительной реальности мира для Канта в самом деле не является самоочевидным и не требующим доказательств. И для обоснования этой реальности он «указывает» на субъекта: если наши ощущения достоверны и мы не сомневаемся в их реальности, то необходимо признать и реальность предметов, вызывающих в нас эти ощущения. Иными словами, если мы что-то ощущаем, то должно быть и что-то, что нас аффицирует.

Философия Канта «провоцирует» формулировку глобальных проблем самопознания: первая из них – это проблема возможности опыта себя самого, вторая – проблема самоаффектации (человек сам на себя воздействует, в том числе и в процессе самопознания). Как бы там ни было, хотя время можно назвать *принципиально человеческим* и хотя оно имеет прямое отношение к осознанию человеком себя самого, все же изучение времени не равнозначно познанию существа человека. Так обстоит дело в философии Канта.

Альтернативная позиция: Мерло-Понти о времени

⁷ Там же, с.162.

⁸ Мамардашвили М.К. Кантианские вариации, с.68.